

УДК 331.5
ББК 65.240
Г 48

Редактор серии WP4 «Социология рынков»
В.В. Радаев

Гимпельсон В.Е.

Г 48   Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо?:
Препринт WP4/2002/03. — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — 52 с.

УДК 331.5
ББК 65.240

Интерес специалистов к неформальной экономике сегодня весьма велик. При этом по-прежнему сохраняются серьезные расхождения в ее определении и способах оценки масштабов. Цель данной работы состоит в количественном описании сферы неформальной занятости в современной России. Автор подчеркивает принципиальное различие понятий “теневая экономика” и “неформальный сектор”. Он определяет неформальный сектор как совокупность мелких хозяйственных единиц, а также экономическую деятельность, осуществляемую на базе домохозяйств или индивидуально. В работе предлагается обобщение и сравнение количественных показателей, полученных на основе статистической обработки данных обследований населения по проблемам занятости (ОНЗП), включая масштаб, численность и структуру неформальной занятости, ее динамику и области концентрации.

© В.Е. Гимпельсон, 2002
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2002

Введение*

В большинстве стран с переходной экономикой неформальный сектор (НС) значителен по своему масштабу и играет заметную роль в создании рабочих мест, в обеспечении доходов населения и производстве товаров и услуг. Многие свидетельствуют о том, что неформальная занятость (НЗ) в этой группе стран заметно выросла по сравнению с дореформенным периодом¹. Впрочем, количественно оценить ее динамику на протяжении всего предшествующего десятилетия, как правило, не представляется возможным из-за отсутствия данных. К тому же сама эта занятость крайне разнородна, ее рост может быть обусловлен различными причинами, а однозначные оценки НС как социального и экономического явления крайне затруднены.

Начиная со второй половины 1990-х гг. проблеме неформального сектора в России стало уделяться большое внимание и политиками, и международными экономическими организациями, и средствами массовой информации. Именно в значительном росте неформального сектора многие пытались увидеть объяснение тому обстоятельству, что драматическое сокращение ВВП не привело Россию к катастрофической безработице и к сползанию в еще более глубокую бедность. Тем не менее неформальный сектор в целом и занятость в нем в частности остаются совершенно неисследованными, особенно с количественной точки зрения.

---

* Данная работа подготовлена в рамках проекта Бюро экономического анализа “Разработка методики макроэкономической оценки и анализ тенденций неформального сектора российской экономики с учетом международного опыта”. Автор выражает благодарность С. Барсуковой, Н. Вишневской, Т. Горбачевой, Р. Капелюшникову, А. Косареву, Г. Монусовой, В. Радаеву и З. Рьжиковой. Все ошибки и неточности остаются, естественно, на совести автора.

¹ Здесь и далее мы будем рассматривать понятия занятости в неформальном секторе и неформальной занятости как тождественные, хотя по сути они такими не являются.

На одном полюсе в спектре видов НЗ находятся высококвалифицированные услуги, оказываемые в индивидуальном порядке профессионалами (например, врачами, преподавателями, адвокатами). Их развитие является позитивным фактом.

На другом — малопроизводительная деятельность, направленная на обеспечение условий простого выживания семей (как, например, производство продуктов в домашнем хозяйстве для последующей продажи на рынке). С одной стороны, это низкопроизводительное использование ресурсов труда в форме нестабильной и мало доходной занятости, представляющей собой разновидность недозанятости или скрытой безработицы. С другой — такая занятость и для общества, и для самих граждан во многом предпочтительнее безработицы. Она не только позволяет экономить на выплате пособий по безработице, но и охватывает тех граждан, которые зачастую имеют наихудшие условия для возврата в формальную экономику (их человеческий капитал просто недостаточен для получения иной работы). В этой своей части она представляет собой альтернативу либо экономической неактивности, либо хронической безработице (но не занятости в формальном секторе!). Это особенно существенно в условиях значительного сокращения спроса на труд в формальном секторе и при отсутствии эффективной системы социальной защиты и(или) скудном пенсионном обеспечении.

Между вышеназванными полюсами также наблюдается значительная вариация в характере занятости. Отметим здесь еще лишь один дополнительный сегмент — это малое предпринимательство. Оно может носить индивидуальный и некорпорированный характер (т.е. не оформленное в виде фирмы) и поэтому остается вне отчетности формального сектора. Однако рекомендации МОТа допускают в принципе также включение корпорированных и вполне “формализованных” субъектов экономики с численностью занятых ниже определенного порога в число предприятий неформального сектора².

Несмотря на разнообразие видов неформальной занятости, их роднит одно общее — в силу многих обстоятельств они остаются в зоне “плохой видимости” для официальной статистики. Это, однако, не является основанием для того, чтобы сознательно игнорировать “сектор-невидимку”. Наоборот, чем плотнее “туман”, тем острее не-

---

² Определения неформального сектора будут подробно рассмотрены ниже.

обходимость в “противотуманных фарах”, тем сильнее дополнительный интерес исследователей к тому, что происходит внутри него или за ним.

Есть длинный перечень взаимосвязанных вопросов, ответы на которые представляют интерес в контексте экономической и социальной политики. Вот лишь некоторые из них. Каковы масштабы и структура неформальной занятости в экономике России? Какова ее динамика? Мы, например, можем предположить, что неформальная занятость разбухает тогда, когда формальная сокращается. В этом случае неформальный сектор является амортизатором безработицы. Возможна, впрочем, и обратная гипотеза. В каких секторах экономики неформальная занятость концентрируется? Какой человеческий капитал она привлекает и “прикрепляет” к себе? И наконец, является ли труд, функционирующий в этой сфере, отвлечением от ресурсов экономического роста в формальном секторе? Или, наоборот, неформальный сектор, притягивая и “связывая” маломобильную и наименее производительную часть рабочей силы, снижает фискальное давление на бюджет и поддерживает платежеспособный спрос населения, способствуя тем самым экономическому росту?

Цель данной статьи ее автор видит, прежде всего, в том, чтобы предложить возможные количественные ответы лишь на некоторые из перечисленных выше вопросов. Проблемы теневой или ненаблюдаемой экономики в целом в данной работе не рассматриваются.

Что мы понимаем под неформальным сектором и неформальной занятостью?

Понятие неформального сектора нетождественно понятию теневой или ненаблюдаемой экономики. Это разграничение принципиально для данной работы.

К теневой экономике относится любая нерегистрируемая и необлагаемая налогами экономическая деятельность, включая криминальную, а также нерегистрируемую в рамках крупных или средних зарегистрированных предприятий. Под неформальным сектором обычно понимается совокупность мелких хозяйственных единиц, а также экономическая деятельность, осуществляемая на базе домохозяйств

или индивидуально³. Теоретически возможна ситуация, когда неформальный сектор по своему вкладу в ВВП или доле занятости невелик, тогда как в целом доля ненаблюдаемой экономики достигает значительных масштабов.

Впервые понятие “неформальность” было введено в 1973 г. в исследовании МОТ, посвященном городским рынкам труда в Гане⁴. После этого оно широко вошло в оборот в исследованиях, проводимых МОТ и Всемирным банком в развивающихся странах. Хотя подобные явления достаточно распространены и в развитых странах Запада (особенно характерен пример Италии), здесь концепция неформального сектора не получила значительной популярности⁵. Однако изучение неформальных рынков труда на Западе иногда маскировалось использованием различных вариантов теорий сегментации рынка труда и такими понятиями, как “вторичный рынок труда”.

Принципиальные инструментальные подходы к определению и измерению занятости в неформальном секторе для национальных статистических органов были сформулированы в рекомендациях 15-й Международной конференции статистиков труда (1993 г.)⁶. Конференция определила неформальный сектор в широком смысле “как совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основ-

---

³ Существует множество определений теневой и неформальной экономик. Детальный их разбор выходит далеко за рамки данной работы. Всесторонний обзор литературы по проблемам теневой экономики дан в: Schneider F, Enste D. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 1. P. 77—114. На русском языке см., например: Мингиони Э. Неформальная экономика сквозь призму западного опыта. Воздействие изменения режимов регулирования // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999; Неформальная занятость // Занятость и рынок труда. М., 1998. Некоторые исследователи связывают неформальную экономическую активность не столько с сектором домашних хозяйств, сколько с корпорированными субъектами (см.: Неформальный сектор в российской экономике. М.: ИСАП, 1998).

⁴ Харт К. Неформальные доходы и городская занятость в Гане // Неформальная экономика: Россия и мир.

⁵ Portes A., Sassen-Koob S. Making it Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies // *American Journal of Sociology*. 1987. Vol. 93. No. 1. P. 31.

⁶ Руководство по измерению ненаблюдаемой экономики, подготовленные в ОЭСР, во многом исходит из решений той же самой 15-й конференции. Оно уточняет и разъясняет основные положения ее рекомендаций. См.: Измерение ненаблюдаемой экономики. Париж: ОЭСР, 2001.

ной целью обеспечить работу и доход для тех, кто связан с этими единицами. Эти единицы характеризуются низким уровнем организации, низкой капиталоемкостью и небольшими размерами. Трудовые отношения — если они существуют — базируются преимущественно на привлечении случайных работников, родственников и личных связях, а не на договорных началах, дающих формальные гарантии”⁷. С точки зрения статистики национальных счетов неформальный сектор рассматривается как часть сектора домашних хозяйств⁸.

Из вышесказанного следует, что неформальный сектор не является частью криминальной или нелегальной экономики и не включает занятых запрещенной деятельностью (контрабанда, производство и распространение наркотиков, проституция и т.п.). Сюда также не относятся те, кто работает без регистрации на крупных и средних предприятиях формального сектора. Однако он может включать как самозанятых, так и занятых по найму (на предприятиях неформального сектора или у физических лиц).

В качестве альтернативного или дополнительного критерия отнесения предприятий к неформальному сектору может использоваться их размер. Обычно это микропредприятия с численностью занятых до 5 человек (в некоторых случаях до 10). Если вводится этот критерий, то тогда все хозяйственные единицы такого размера **независимо от наличия или отсутствия регистрации** считаются неформальными.

В октябре 2001 г. Госкомстат России утвердил “Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики”. Критерием определения единиц неформального сектора в России принимается **отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица**, порог численности занятых на предприятии при этом не используется. “Предприятиями неформального сектора считаются предприятия домашних хозяйств, или некорпоративные предприятия, принадлежащие домашним хозяйствам, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не имеют правового статуса юридического лица”⁹.

---

⁷ Современные международные рекомендации по статистике труда. М.: Финстатинформ, 1994. С. 148.

⁸ Там же.

⁹ Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики. М.: Госкомстат России, 2001.

Напомним, что *понятие занятости в неформальном секторе в общем случае не тождественно понятию неформальной занятости*. Последняя, например, может также включать незарегистрированную занятость в рамках формального сектора. Однако *в данной работе для упрощения мы используем их как синонимы* для обозначения занятости на предприятиях неформального сектора.

Выделение занятых в неформальном секторе по данным обследований населения по проблемам занятости, проводимых в Российской Федерации, осуществляется на основе комбинирования ответов на несколько вопросов. Ключевым является вопрос о месте работы, который предполагает следующие варианты: а) на предприятии, в учреждении, организации; б) в фермерском хозяйстве; в) предпринимательская деятельность без образования юридического лица; г) на индивидуальной основе; д) по найму у отдельных граждан. Группы (в—д) полностью относятся к неформальному сектору. Занятые в (а—б) также относятся к НС в том случае, если они работают “без регистрации или оформления документов” “на собственном предприятии или в собственном деле для получения дохода” или “в качестве члена производственного кооператива (артели)”. К неформальному сектору также относятся занятые производством продукции или оказанием услуг в домашнем хозяйстве, если эта продукция или услуги реализуются на рынке. Укрупненная структура неформального сектора, выделенного в соответствии с принятым определением, показана на рис. П1 (см. приложение).

В данной работе далее мы будем рассматривать и ту занятость, которую сами граждане считают своей основной работой, и ту, которая является второй или дополнительной. Понятно, что в большой мере вовлеченность граждан в неформальный сектор проявляется в форме вторичной занятости. Доля этого сектора в общих затратах рабочего времени в экономике может при этом быть значительно больше, чем его доля в численности занятых.

Заключая раздел, посвященный определениям, автор хотел бы отметить, что он вполне отдает себе отчет в том, что дихотомическое деление экономики на формальный и неформальный сектора сильно упрощает реальную ситуацию в переходной экономике¹⁰.

---

¹⁰ Некоторые эксперты отмечают информализацию формального сектора и в наиболее развитых странах Запада. Это происходит, в частности, в связи с развитием “новой экономики”. См.: Blunch N.-H., Canagarajah S., Raju D. The Informal Sector Revisited: A Synthesis Across Space and Time / The World Bank // Social Protection Discussion Paper. 2001. No. 119. P. 4.

Формальный сектор может быть как средой, где процветают неформальные отношения между работодателями и работниками, так и источником значительных неформальных доходов. Ситуации, когда активы формальных, в том числе государственных, предприятий используются для извлечения не регистрируемых и не облагаемых налогами доходов как менеджментом, так и рядовыми работниками, хорошо известны каждому. Взаимопроникновение формального и неформального составляет одну из ключевых особенностей российской экономики переходного периода. Это очень хорошо сформулировал Р. Капелюшников: “Во всех звеньях хозяйственного механизма — на рынке капитала, на рынке труда, в отношениях между предприятиями, между предприятиями и государством, между различными ветвями и уровнями власти — неписанные правила и договоренности преобладают над требованиями закона, условиями контрактов и другими формальными ограничениями”¹¹. Тем не менее обсуждение более общих проблем неформальной экономики и неформального в экономике автор решительно оставляет за рамками данной работы.

Плюсы и минусы неформального сектора

Все, наверное, единодушны в том, что теневая экономика в целом — это негативное явление, и чем ее доля в экономике (в ВВП, в доходах населения или в занятости) выше, тем хуже для экономики в целом и для общества. В то же время столь однозначная оценка неформального сектора вряд ли будет справедлива. Неформальный сектор имеет свои плюсы и минусы, баланс которых не столь однозначен и зависит от многих обстоятельств. В целом можно предположить, что по мере увеличения его доли в экономике (сверх определенного порога) минусы могут доминировать над плюсами. Наоборот, в определенных масштабах НС просто необходим.

Конечно, значительная по масштабам занятость в неформальном секторе порождает ряд социальных и экономических проблем.

---

¹¹ Капелюшников Р. “Где начало того конца?..” (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 140.

Доходы от деятельности здесь не облагаются налогами, поэтому бюджеты и социальные фонды лишаются значительных средств. Поскольку этот сектор малопроизводителен (в силу низкой капиталоемкости и преобладания примитивных технологий), его развитие может сдерживать экономический рост в целом, предствляя собой нерациональное отвлечение ресурсов. Развитие неформальной занятости, как правило, усиливает и без того чрезмерное неравенство доходов. Трудовые права работающих в этом секторе граждан никак не защищены законом. Занятые здесь оказываются в очень уязвимом и незащищенном положении, лишены многих трудовых прав и всех социальных льгот. Как и любые теневые доходы, наличные средства, обращающиеся в этом секторе, могут питать коррупцию и преступность. Не имея возможности создавать свои лоббистские организации или отстаивать свои политико-экономические интересы, работники неформального сектора оказываются исключенными из политического процесса. Чем значительнее масштабы этого сектора, тем сильнее могут проявляться его негативные последствия.

Однако неформальный сектор, если он не чрезмерен, имеет и свои несомненные позитивные стороны для развивающейся или переходной экономики. В условиях глубокой или затяжной рецессии в странах, в которых государство не способно обеспечить эффективную защиту от безработицы, именно НС предоставляет определенную социальную поддержку потенциальным безработным. При этом он позволяет потерявшим работу иметь заработок и избежать скатывания в беспросветную нищету, а государству, испытывающему сильное давление на бюджет, экономить на пособиях по безработице. В конце концов, доходы субъектов неформального сектора составляют элемент совокупного спроса в экономике и расходуются в основном в рамках формального¹².

Неформальный сектор является также своего рода инкубатором предпринимательства, обеспечивая вход в него и первичное обучение. В условиях, когда вход в малый бизнес обставлен массой административных и прочих барьеров, именно неформальный сектор по-

---

¹² Некоторые авторы ссылаются на исследования, свидетельствующие о том, что две трети доходов, полученных в “тени”, затем расходуются на “свету”. Согласно тем же исследованиям две трети всей добавленной стоимости, полученной в теневой экономике, никогда не было бы произведено, если бы теневая экономика отсутствовала (см.: Schneider F., Enste D. Op. cit. P. 78).

зволяет их обойти или минимизировать издержки. В более широком смысле, открывая доступ к новым профессиям и позволяя относительно “дешево” приобретать новые навыки, он является важным механизмом социальной, трудовой и профессиональной мобильности¹³. Укрепившись, такое предпринимательство и самозанятость могут впоследствии формализоваться и выйти на свет.

Поскольку НС неоднороден, его различные элементы выполняют различные функции и влекут неоднозначные социальные и экономические последствия, то для подведения более точного баланса плюсов и минусов необходимо заглянуть “внутрь” этого черного ящика. Для этого следует перейти от агрегированных оценок к использованию массовых микроданных о поведении непосредственных субъектов неформального сектора.

Эмпирические данные

Неформальную занятость трудно однозначно определить, но еще труднее статистически корректно измерить. Объективные трудности измерения неформальной занятости усугубляются субъективными: существует естественная настороженность у субъектов такой экономики в отношении открытого и официально фиксируемого обсуждения нюансов своей деятельности. Отсюда неизбежно появление целого спектра оценок, различающихся как авторской методологией, так и используемыми источниками данных. Поскольку значительная часть неформальной экономической деятельности протекает внутри домохозяйств или в связи с ними, то наиболее полным источником информации о неформальной занятости являются представительные обследования домохозяйств.

Проводимые в России обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) во многом удовлетворяют международным требованиям по измерению неформальной занятости. С 1999 г. они проводятся *поквартирно*, что позволяет “схватить” сезонные колебания в динамике неформальной занятости.

ОНПЗ не лишены ряда недостатков в части измерения и анализа занятости. Важнейшим из них является то, что ОНПЗ не являются

---

¹³ См. например: Guarigla A., Byung-Yeon Kim. The Dynamics of Moonlighting: What is Happening in the Russian Informal Economy? / Bank of Finland // BOFIT Discussion Papers. 2001. No. 5.

пока лонгитюдными или панельными обследованиями. Другими словами, они не позволяют отслеживать занятость одних и тех же граждан во времени. Опираясь лишь на эти данные, мы не в состоянии дать ответ на многие очевидные вопросы: насколько стабильна или нестабильна неформальная занятость во времени? Какова ее вероятная продолжительность? Каковы вероятности переходов между неформальной занятостью и другими состояниями на рынке труда (занятость в формальном секторе, безработица и неактивность).

Другое ограничение связано с отсутствием сопоставимых ретроспективных данных за 1990-е гг. Из-за этого мы не можем ответить на вопрос о том, как неформальный сектор реагировал на различные события трансформационной рецессии 1990-х гг. Росла ли здесь занятость, “надуваясь”, словно спасательный круг, в ответ на макрошоки 1992, 1994 и 1998 гг.? Не реагировала вовсе? Или ее различные элементы вели себя по-разному, отчасти компенсируя друг друга? На эти вопросы, опираясь лишь на известные нам данные, ответить пока невозможно.

Неформальная занятость в переходных экономиках

Неформальный сектор существует во всех странах и для сравнительной оценки уровня его развития важны межстрановые сопоставления. Такие сопоставления, однако, связаны с многочисленными трудностями. Многие развивающиеся страны и страны с переходной экономикой по-прежнему придерживаются своих национальных определений, не во всем совпадающих с международными, и нередко используют плохо сопоставимые источники данных. Измерение неформальной занятости сельского населения сталкивается с особыми методологическими и измерительными сложностями и поэтому данная группа зачастую вообще исключается из наблюдения и оценок.

Во многих развивающихся странах городской неформальный сектор давно стал своего рода буферной зоной между формальной экономикой и безработицей. Когда пособия по безработице ничтожны или вовсе отсутствуют, а люди не могут существовать без какого-либо дохода, они идут в неформальный сектор. Понятно, что создание неформальных рабочих мест стоит значительно дешевле,

нежели формальных. Этот разрыв в стоимости создания формальных и неформальных рабочих мест тем больше, чем “жестче” законодательство о защите занятости и чем выше налоги на фонд оплаты труда.

В странах Центральной и Восточной Европы развитие неформальной занятости во многом связано с двумя факторами: с мелко-товарным сельским хозяйством на селе и развитием мелкого предпринимательства в городах. Наиболее нагляден пример Румынии, где относительно низкая безработица оборачивается довольно высоким уровнем неформальной занятости и самозанятости в сельском хозяйстве. И сельская, и городская неформальная экономика выступают здесь в качестве подушки безопасности, поддерживающей граждан, потерявших работу в промышленности.

Таблица П1 (см. приложение) дает представление об уровнях вовлеченности городского населения в неформальный сектор в некоторых странах с переходной экономикой и ряде крупных развивающихся стран. Большое количество технических пояснений к таблице, касающихся охвата и источников данных, свидетельствует об ограниченности таких сопоставлений. Некоторые показатели, приведенные в таблице, также вызывают сомнения. Например, трудно поверить в то, что доля неформально занятых среди городского населения Украины в 2—4 раза меньше, чем в более успешных странах Центральной Европы. Интуитивно кажется, что обратное соотношение было бы более верным. Значения для России лежат в середине интервала для стран с переходной экономикой, и они отражают главным образом степень развития некорпорированных городских микропредприятий.

Какие предварительные общие выводы можно сделать на основе этой таблицы?

Во-первых, доля занятых в неформальном секторе в переходных экономиках (до 20% всех занятых) значительно ниже, чем в развивающихся странах (до половины всех занятых). Во-вторых, пример Казахстана (различия в уровнях НЗ в зависимости от серии см.: табл. П1) показывает, что значения очень чувствительны к методологии измерения. В-третьих, среди стран с переходной экономикой, использующих сопоставимую методологию сбора данных (Польша, Литва, Хорватия, Украина), уровень НЗ может косвенно характеризовать развитие самозанятости и мелкого некорпоративного предпринимательства. Наконец, в-четвертых, доля мужчин, занятых в неформальном секторе переходных экономик, либо выше, чем доля

женщин, либо они примерно равны. Это разительно отличается от многих развивающихся стран, где неформальная занятость, организованная вокруг и на базе домохозяйства, есть преимущественно женская “привилегия”¹⁴. Конечно, оценки неформальной занятости лишь городского населения могут сильно занижать ее распространенность в стране в целом. Включенность сельского населения в НС может быть значительно больше, и ее уровень растет вместе с долей сельского населения.

Сколько в России “неформалов”?

Краткий обзор опубликованных оценок

Тема масштабов невидимой, теневой и неформальной экономики в России и связанных с этим угроз приобрела значительную популярность во второй половине 1990-х гг. Опубликованные оценки сильно различаются, определения и границы “неформального” у различных авторов расходятся, что затрудняет их сопоставление. Ниже мы будем ссылаться лишь на те известные нам работы, авторы которых прямо заявляли о своей приверженности духу рекомендаций 15-й Международной конференции статистиков труда.

Е. Синдяшкина оценивала занятость в неформальном секторе в 1995 г., отталкиваясь от данных баланса трудовых ресурсов и демографической статистики¹⁵. Таким образом она оценила численность неформально занятых в 4,2—4,8 млн. человек¹⁶. Корректировка этих показателей с учетом данных опросов ВЦИОМа вывела автора на общую численность, равную 25 млн. человек, т.е. более трети экономически активного населения. Из них около 7 млн. человек не имели другой работы и около 18 млн. человек совмещали работу в формальном и неформальном секторах¹⁷. Последняя оценка кажется сильно завышенной, поскольку означала бы, что доля вторично занятых в НС составляет около 30% всех занятых в экономике. Это не согласуется с имеющимися данными представительных обследований домохозяйств.

---

¹⁴ Key Indicators of the Labour Market, 2001—2002. Geneva: ILO, 2002. P. 229.

¹⁵ Занятость и рынок труда. Новые реалии, национальные приоритеты, перспективы. М.: Наука, 1998. Гл. 2.

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ Там же. С. 68—69.

Возможные оценки неформальной занятости применительно для 1999—2000 гг. представлены в недавно вышедшем обзоре занятости¹⁸. Опираясь на данные обследований населения по проблемам занятости, авторы выходят на серию оценок в зависимости от ширины определения, которые воспроизводятся в табл. 1.

Таблица 1. Оценки неформальной занятости в 1999—2000 гг., тыс. человек

	1999 г.	2000 г.
Численность занятых		
1) в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	2693	2646
2) по найму у физических лиц	2364	2508
3) неоплачиваемых семейных работников	107	86
4) в домашнем хозяйстве производством товаров и услуг для реализации	2349	2344
5) в домашнем хозяйстве производством товаров и услуг для собственного потребления (как основное занятие с продолжительностью >30 часов в неделю)	1593	1241
А. [1] + [2] + [3]	5164	5240
Б. [4] + [5]	3942	3585
В. [1] + [2] + [3] + [4] + [5]	9106	8825
<i>Всего занятых согласно ОНПЗ (включает А и не включает Б)</i>	60408	62180

Источник: данные Госкомстата России.

Сумма первых трех категорий неформально занятых (строки [1] — [3]) составляла в 1999—2000 гг. около 5,2 млн. человек. Добавление к ним занятых в домашнем хозяйстве производством товаров и услуг для реализации, что соответствует букве и духу рекоменда-

¹⁸ Обзор занятости в России. 1991—2000 годы. М.: БЭА, 2002.

ций МОТ, выводит на оценку в 7,5—7,6 млн. человек. И наконец, дальнейшее расширение определения за счет включения строки 5 (занятые в домашнем хозяйстве производством товаров и услуг для собственного потребления, если это основное занятие с продолжительностью более 30 часов в неделю¹⁹) дает 9,1—8,9 млн. человек для 1999—2000 гг. Будем считать это расширенным определением неформальной занятости. Ее доля в общей занятости (соответственно скорректированной в сторону повышения за счет занятых домашним производством на величину в строке Б) могла достигать 15%.

Все эти оценки относятся к тем, у кого в НС основная или единственная работа. Они не отражают суммарные затраты труда в этом секторе, объем которых зависит также от продолжительности рабочего времени и масштабов вторичной неформальной занятости.

Наиболее подробной общедоступной статистической публикацией, посвященной рассматриваемой теме, является аналитический доклад Госкомстата России “О занятости в неформальном секторе экономики в Российской Федерации в 2001 году”²⁰. Все приводимые в нем оценки основаны на данных ОНПЗ. Численность занятых в НС на основной работе колебалась между 6,5—7,7 млн. человек в зависимости от квартала. Занятые в НС на второй работе составляли 1,7—2,3 млн. человек. К сожалению, большинство приводимых в цитируемом докладе цифр относятся лишь к IV кварталу 2001 г.

В табл. 2 показана динамика численности занятых в двух важнейших составляющих неформального сектора в посткризисный (1998 г.) период. Численность индивидуальных предпринимателей, похоже, последовательно сокращалась, но занятость у них по найму возрастала.

---

¹⁹ Согласно рекомендациям МОТ эта деятельность не относится к неформальному сектору.

²⁰ Статистический бюллетень. 2002. № 2 (86). С. 115—132.

Таблица 2. Динамика занятости в неформальном секторе
и ее основных компонентов, 1999—2002 гг.

	1999 г.		2000 г.		2001 г.		2002 г.*	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
<i>Первая работа</i>								
Индивидуальные предприниматели (без юрица)	5020	8,0	4950	7,7	4278	6,6	4259	6,5
Занятые по найму у физических лиц	2364	3,8	2505	3,9	2738	4,3	2877	4,4
Итого	7384	11,8	7455	11,6	7016	10,9	7136	10,9
<i>Вторая работа</i>								
Индивидуальные предприниматели (без юрица)	3125	5,0	2980	4,6	1969	3,1	2153	3,3
Занятые по найму у физических лиц	201	0,3	189	0,3	202	0,3	244	0,4
Итого	3326	5,3	3169	4,9	2171	3,4	2397	3,7
Всего занятых	62475	100	64255	100	64413	100	65507	100

Источник: ОНПЗ, ноябрь 2001; ОНПЗ, май 2002.

* Среднее невзвешенное значение за I и II кварталы.

Масштаб численности и структура неформальной занятости в России в 2001 г.

Таблица П2 реконструирует величину и структуру занятости в НС в соответствии с определением и алгоритмом, используемыми в обследованиях Госкомстата России²¹. Общая численность занятых в НС, усредненная по итогам четырех кварталов 2001 г., составляла 9190 тыс. человек. Из них 7136 тыс. человек, или 11,1% всех занятых в экономике, имели здесь свою основную или единственную работу²². Свыше 2 млн. человек свою дополнительную работу нашли именно в НС²³. В целом же “неформалы” составляют более 70% среди всех имеющих вторую работу! Другими словами, именно НС является основным генератором вторичной занятости. Это, по-видимому, связано с особой гибкостью фактически действующих в нем правил.

Занятость на предприятиях или в фермерских хозяйствах (при соблюдении соответствующих условий — см. примечание к табл. П2) практически не влияет на общую численность НС. Ее вклад составляет менее 2% и для простоты анализа ею вообще можно пренебречь.

Начнем с той группы занятых, которая именно в НС имеет свою основную или единственную работу. Среди них 1,3 млн. человек (18%) являются предпринимателями без образования юридического лица, т.е. владельцами микробизнесов и некорпорированных предприятий²⁴. По найму у физических лиц (т.е. в основном на ПБОЮЛ) работали свыше 2,7 млн. человек. Это составляло 38% всех занятых на основной работе в НС. Вместе они составляли 4 млн. человек, или 56% всех занятых в неформальном секторе.

---

²¹ См.: Система показателей базы микроданных обследований населения по проблемам занятости. М.: Госкомстат России, 2002.

²² Для сравнения: среднегодовая численность безработных в 2001 г. составляла 6,4 млн. человек.

²³ Всего, по данным ОНПЗ, две или более работ в 2001 г. имели около 2840 тыс. человек, или 4,4% всех занятых. Здесь надо иметь в виду, что ОНПЗ существенно занижает распространенность второй работы по сравнению с данными РМЭЗ и ВЦИОМ. Обсуждение причин этих расхождений и возможной недооценки занятых второй работой выходит за рамки данной статьи, и эта тема заслуживает специального исследования.

²⁴ В 2001 г. в налоговых органах было зарегистрировано 4245,2 тыс. предпринимателей без образования юридического лица. Конечно, не все они реально занимаются предпринимательством, как и не все фактически функционирующие предприниматели зарегистрированы в налоговых органах.

Однако наиболее многочисленны “занятые на индивидуальной основе” (самозанятые). Их было 3 млн. человек, или 42% всей группы. Заметную долю “занятых на индивидуальной основе” составляют лица, занятые производством для реализации в домашних условиях. Это наиболее “пестрая” и во многом маргинальная группа. К ней могут относиться как индивидуально практикующие высококвалифицированные специалисты (врачи или адвокаты), так и граждане, использующие дачные или садовые участки для производства сельскохозяйственной продукции на продажу. В 2001 г. домашним производством на рынок занималось (в среднем за год) около 2 млн. человек, или около 30% всех работников, имевших основное место работы в неформальном секторе. К “неформалам-индивидуалам” также относятся те, кто профессионально занимается частным извозом, ремонтом квартир или бытовой техники, строительством дач и т.п.²⁵

Теперь обратимся к тем, для кого неформальный сектор является местом второй или дополнительной занятости (всего их было немногим более 2 млн.). Здесь группа “занятых на индивидуальной основе” абсолютно доминирует. Она составляет 88,2% всех имеющих в НС вторую работу. Почти половина этой группы (876 тыс. человек, или 42,6%) приходится на занимающихся домашним производством на продажу. Каждый десятый в этой группе работает у частных лиц, а доля предпринимателей “по совместительству” почти незаметна (1%).

Динамика занятости в неформальном секторе

Рисунок П2, построенный по данным ОНПЗ, дает примерное представление о динамике неформальной занятости как основного занятия в период с 1997 по 2001 г. График иллюстрирует две основные тенденции: устойчивость основных ее компонентов во времени и явно выраженную сезонность. К сожалению, мы не имеем полностью сопоставимых данных за предкризисные годы. Вопросы о занятости производством продукции или услуг в домашнем хозяйстве впервые были задан респондентам ОНПЗ только в феврале 1999 г.

---

²⁵ Возможный перечень такого рода занятий легко составить, воспользовавшись любой газетой бесплатных объявлений типа “Из рук в руки”.

В течение всего периода 1999—2001 гг. численность занятых в НС (на основной работе) колебалась вокруг значения в 7 млн. человек, однако внутри него наметились определенные структурные подвижки. Их суть заключалась в постепенном вытеснении наименее производительной части НС — домашнего производства для реализации, выполнявшего в кризисных условиях функцию подушки безопасности для наиболее уязвимых домохозяйств. Соотношение индивидуальных предпринимателей, занятых по найму, и “домашних производителей” в 1999 г. было почти равным. Однако со временем численности предпринимателей и занятых по найму демонстрировали тенденцию к постепенному росту, а численность “домашних производителей” — к сокращению. В I квартале 1999 г. “домашние производители” составляли 43% всего НС, в I квартале 2000 г. — 34%, в I квартале 2001 г. — 27%. Доля предпринимателей при этом возросла с 27 до 33%.

Рисунок П2 показывает также сезонность в занятости в НС. При этом занятость по найму относительно менее циклична, а домашнее производство сильно сезонно из-за значительной сельскохозяйственной составляющей. Его пик всегда приходился на II и III кварталы, когда в сельском хозяйстве идут посадочные работы, а затем сбор урожая.

Динамика и цикличность неформальной занятости как дополнительного занятия полностью определяется численностью занятых в домашнем хозяйстве производством (рис. П3). Напомним, что “домашние производители” составляют почти 90% всех вовлеченных в НС в качестве второй или дополнительной работы.

Один из самых интересных вопросов, касающихся неформальной занятости, это динамический анализ взаимосвязи между формальной занятостью и безработицей. Другими словами, является ли неформальный сектор “убежищем” (постоянным или временным) для тех, кто потерял или не нашел место в формальном секторе? В этом случае рост неформальной занятости будет частично сдерживать рост безработицы.

Для детального ответа на этот вопрос необходимы панельные данные, которые не существуют. Рисунок П4 показывает совместное движение квартальных показателей безработицы и занятости в неформальном секторе, рассчитанных как доля экономически активного населения. Оба показателя ведут себя с явно выраженной сезонной компонентой, но движутся контрциклично. Внутригодовое

снижение безработицы сопровождается ростом показателя неформальной занятости и наоборот. Амплитуда колебаний в занятости находилась в пределах 1% от экономически активного населения, амплитуда изменений в безработице была несколько больше. Это позволяет предположить, что ежегодный сезонный (летний) всплеск сельскохозяйственной активности “домашних производителей” мог оттягивать на себя часть безработных. Завершение цикла сельскохозяйственных работ в домохозяйстве сопровождалось перемещением части “домашних производителей” обратно в безработицу. Учитывая, что максимальная разница в противофазе сезонных циклов между занятостью и безработицей составляла 1,2–2,1% экономически активного населения, а неформальный сектор притягивает не только безработных, но и других занятых, а также извне рынка труда, взаимообмен между НС и безработицей в сезонных колебаниях мог составлять порядка 0,5–1% экономически активного населения.

Учесть влияние безработицы, скорректированное с учетом сезонности и возможного наличия временного тренда в динамике неформального сектора, можно с помощью простой регрессионной модели следующего вида:

$$INFORM_t = a_0 + a_1 \times UNEMP_t + a_2 \times TIME_t + b_1 \times Q_1 + b_2 \times Q_2 + b_3 \times Q_3 + u,$$

где $INFORM_t$ — доля занятых в неформальном секторе (в % от экономически активного населения), $UNEMP_t$ — уровень безработицы (в % от экономически активного населения, измеренный по методологии MOT), $TIME_t$ — порядковый номер квартала для определения временного тренда, Q_1, Q_2, Q_3 — фиктивные переменные для I—III кварталов, в которые проводились обследования, t — порядковый номер наблюдения, u — ненаблюдаемый остаток.

Конечно, наша совокупность наблюдений состоит лишь из 14 случаев и полученные на ней выводы могут носить лишь очень предварительный характер. Тем не менее эта регрессионная модель статистически значима с 95%-й вероятностью. Переменные, включенные в уравнение, объясняют две трети дисперсии для доли занятых в неформальном секторе. В табл. ПЗ приведены регрессионные коэффициенты, характеризующие соответствующие эффекты. Они говорят о том, что временной тренд незначим и эффект безработицы

статистически неотличим от нуля. Флуктуации занятости в НС в рамках модели определяются только сезонностью. С этой точки зрения IV и I кварталы статистически неразличимы. II квартал добавляет к неформальному сектору 1,2 процентного пункта по сравнению с IV (который принят за базу), а III — около 1 пункта. Впрочем, для получения более устойчивых выводов о влиянии безработицы на занятость в неформальном секторе нам требуются более длительные временные ряды или панельные данные.

Социально-демографические характеристики занятых в неформальном секторе (пол, возраст, образование)

Основная задача данного раздела — идентифицировать социально-демографический профиль населения, участвующего в неформальном секторе. Это может помочь в прояснении того, какой тип человеческого капитала здесь задействован и в какой мере, если в этом возникнет необходимость, на него можно рассчитывать для использования в формальном секторе экономики.

Собирательный социальный портрет занятых в НС представлен в табл. П4.

И на первой, и на второй работе в НС мужчины преобладают, но их численное преимущество в обоих случаях незначительно.

Занятые в НС на основной для себя работе в среднем моложе тех, кто имеет здесь дополнительную работу (38,3 года против 39,4 года). Это наглядно видно на распределении занятых по возрасту: в первой из названных групп распределение более пологое, его вершина (14,9%) ниже и смещена влево (по сравнению с группой подрабатывающих). В первом случае 30% всех занятых моложе 30 лет против 17% во втором. Данный факт не кажется странным, учитывая то обстоятельство, что второе занятие носит подсобно-сельскохозяйственный характер и на него ориентированы в основном лица старших возрастов. Однако это различие выражено не столь сильно, поскольку плотно втянутые в производство в домашних условиях сельскохозяйственной продукции для последующей реализации, как правило, не имеют альтернативного дела и также “сидят” среди имеющих здесь основное занятие.

Более высокая доля старших возрастов и “полуактивных”²⁶ групп среди имеющих основную работу в НС подтверждается и другими данными ОНПЗ. Так, 13% работников были в пенсионном возрасте, тогда как соответствующая доля среди имеющих дополнительную работу была менее 4%. Студенты составляли здесь 3,3% и пенсионеры 14,4% по сравнению с 0,3 и 3,2% для занятых на дополнительной работе.

Однако гораздо рельефнее возрастной профиль занятых в неформальном секторе предстает в сравнении со всеми занятыми в экономике (см. рис. П5). Он наглядно показывает, что доля молодежи среди “неформалов” заметно выше, чем среди всех занятых. Наоборот, доля лиц в возрасте 40—59 лет среди “неформалов” значительно ниже, чем в среднем по всей экономике. На самый старший возраст (60—72 года) приходится 4% всех занятых в экономике, но более 10% занятых в неформальном секторе. Это, на мой взгляд, убедительно иллюстрирует двойственный характер этой занятости: с одной стороны, преобладают молодые люди, с другой — пенсионеры.

Теперь обратимся к распределению занятых по образованию. Лица, лишь подрабатывающие в НС, более образованы (44,3% имеют высшее или среднее профессиональное образование), чем занятые в нем на основной работе (соответствующая доля составляла 44,3%). Наоборот, доля работников с основным общим или начальным общим образованием была 12,9% среди подрабатывающих и 18,9% среди основных работников.

Сравнение “неформалов” с занятыми в экономике в целом показывает, что среди первых вдвое ниже доля имеющих высшее образование (рис. П6), но доля обладателей образования на уровне среднего общего и ниже среди них значительно выше, чем во всей экономике.

“Покомпонентный” анализ неформального сектора (разделение на предпринимателей, наемных работников и самозанятых) лишь подтверждает полученную выше картину. Неформальный сектор неоднороден и составляющие его основные части в социально-демографическом плане сильно различаются между собой. Индивидуальные предприниматели в основе своей — люди в возрасте 25—49 лет и с довольно высоким образованием (почти 2/3 из них имеют образование выше среднего профессионального). Занятые по найму у физи-

---

²⁶ Студенты, пенсионеры всех видов, лица, имеющие доход от собственности (сдача внаем квартиры или дачи).

ческих лиц, как правило, моложе и хуже образованы. Среднее образование для них норма, а высшее встречается нечасто. В этой подгруппе 40% работников моложе 40 лет. Наоборот, среди занятых индивидуально (в том числе на собственных огородах) много пожилых женщин с образованием средним и ниже.

Теперь рассмотрим вклад НС в занятость отдельных социально-демографических групп. Для этого мы можем рассчитать уровни занятости как для этих социально-демографических групп в целом, так и для тех их представителей, которые заняты в НС.

Доля “неформалов” в населении достигает максимального значения в 9,4% в возрастной группе 30—34 года (рис. П7). С увеличением возраста эта доля снижается, однако общий уровень занятости падает еще быстрее. В итоге самая младшая (15—19 лет) и самая старшая (60—72 года) группы, хотя и имеют наименьшие доли неформалов в населении (3,3 и 4,0%), дают максимальный вклад в неформальную занятость. Например, в младшей возрастной группе неформалы — это 28% всех занятых, а в старшей — 26%. Рисунок показывает также разное внутреннее наполнение неформальной занятости по возрастам. Среди самых младших и самых старших доминируют самозанятые индивидуалы, куда входят и занятые в домашнем хозяйстве производством для реализации. В средних возрастах доминируют предприниматели и их наемные работники. Эти тенденции проявляются и среди мужчин, и среди женщин. Однако у женщин вклад неформального сектора через вовлечение в домашнее производство крайних возрастных групп еще значительно, достигая трети от всех занятых!

На рис. П8, который показывает вклад НС в занятость в зависимости от образования, наглядно видно, что со снижением образования общий уровень занятости уменьшается, а уровень занятости в НС, наоборот, повышается. В целом он варьируется от 4,1 до 7,5% от всего населения с соответствующим образованием в возрасте 15—72 лет. Граждане с высшим образованием имеют наивысший уровень занятости (около 80%) в целом. Здесь каждый двадцатый занятый приходится на неформальный сектор. Наоборот, среди имеющих начальное (или ниже) образование 12,5% заняты в экономике. Из них свыше 40% трудятся в неформальном секторе и заняты, прежде всего, домашним производством для последующей продажи. Вклад этого сектора в занятость у женщин превышает 50%!

Какие предварительные выводы можно сделать из вышеприведенного анализа? Граждане старших возрастов и с низким уровнем образования, нашедшие себе убежище (или призвание?) в неформальном секторе, по-видимому, являются “невозвращенцами”. Они вряд ли располагают достаточным человеческим капиталом для возврата в формальный сектор. Для них альтернатива — либо неактивность, либо безработица. С молодежью дело обстоит сложнее. Мы не знаем, продолжает ли она приобретать образование и навыки, необходимые для перехода в формальную экономику, лишь временно подрабатывая в неформальном секторе, или же она находится в своеобразной “ловушке”. Тогда мы имеем дело со своего рода “неформальным гетто”, особым сегментом рынка труда. Вовлекая молодых людей, неформальный сектор (прежде всего в виде труда по найму на частных лиц) дает им заработок и специфические навыки, однако отрезая им пути к продолжению формального общего и профессионального образования, а соответственно затрудняя выход из создавшегося положения. Прививаемая и быстро усваиваемая молодыми людьми культура труда (например, на вещевом или продовольственном рынке) может стать непреодолимым барьером для последующей мобильности в формальный сектор. Однако для более детальных утверждений такого рода необходимы специальные дополнительные исследования данной профессиональной группы.

Области концентрации неформальной занятости: типы поселений, отрасли и профессии

В каких отраслях и профессиях концентрируются “неформалы”? Распределение всех занятых в экономике, а также занятых в неформальном секторе (на основной и дополнительной работе), показано на рис. П9. Все профессии классифицируются в 9 основных групп в соответствии с Общероссийским классификатором занятий (ОКЗ). Неформальный сектор (как основное занятие) имеет повышенные доли занятых в трех профессиональных группах, на которые вместе приходится 70% всех здесь занятых. К группе 5 (“Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности”) относятся 33% заня-

тых, 17% принадлежат к группе 6 (“Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства и рыболовства”) и 20% — к группе 7 (“Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр”)²⁷. В расшифровке это означает, что в неформальном секторе в профессиональном плане доминируют занятые в торговле и обслуживании граждан, сельском хозяйстве и ремонте сложной бытовой техники. Что же касается лишь подрабатывающих в неформальном секторе, то почти 4/5 всей этой группы сосредоточено в профессиях сельского хозяйства.

Такое профессиональное деление хорошо согласуется с распределением по видам деятельности (отраслям)²⁸. В сельском хозяйстве заняты 30% всех “неформалов” (по основному занятию), 43,4% сосредоточено в отрасли “оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей, бытовых приборов и приборов личного пользования”. Лишь подрабатывающие в НС практически полностью “принадлежат” производству сельскохозяйственной продукции. Эти два укрупненных вида деятельности практически полностью определяют место неформального сектора в отраслевом разделении труда.

В сельской местности уровень занятости в неформальном секторе составляет около 9% всего населения села (в возрасте 15—72 лет), составляя одну шестую всей сельской занятости (рис. П10). При этом две трети неформальной занятости здесь приходится на производство сельскохозяйственной продукции на своих участках для продажи. Так трудится почти 14% всех женщин в сельской местности, занятых в экономике. Наоборот, в городах доля индивидуально самозанятых составляет лишь 1,6% населения. Эти оценки лишний раз подчеркивают то обстоятельство, что значительный сегмент того, что мы называем неформальным сектором, является мелкотоварным околodomашним сельским хозяйством, использующим труд пожилых людей, имеющих лишь минимум образования.

---

²⁷ Соответствующие значения для всей экономики составляют 12,5, 3,9 и 18%.

²⁸ Используемый здесь классификатор ОКДП примерно соответствует международной стандартной классификации отраслей ISIC-3, а упоминавшийся выше классификатор занятий ОКЗ является российским аналогом международной классификации профессий ISCO-88.

Затраты времени в неформальном секторе

Численность занятых еще не характеризует всего объема труда, который используется в неформальном секторе. Продолжительность рабочего времени является не менее важной переменной, отражающей величину предложения труда. Данные о том, сколько часов занятые в неформальном секторе фактически отработали в течение обследуемой недели, приведены в табл. П5.

Неформальный сектор как основное место работы

В неформальном секторе в целом фактическая продолжительность рабочей недели (в те недели, в течение которых проводились обследования) была короче, чем в экономике в среднем²⁹. Мужчины здесь трудились 37,5 часа (против 39,5 часа по всей экономике), а женщины — 34,1 часа в неделю (против 36,6 часа). За этими средними, однако, скрывается значительная дифференциация в отработанном времени между различными социально-демографическими группами, вовлеченными в НС, и видами деятельности.

В табл. П5 представлены средние значения продолжительности рабочей недели как для всех занятых в НС, так и отдельных социально-демографических и профессионально-отраслевых групп.

Обсуждение межгрупповой дифференциации следует начать с того факта, что три основных сегмента неформального сектора существенно различаются продолжительностью рабочего времени. В предпринимательском сегменте рабочая неделя заметно длиннее (особенно у мужчин) как фактически сложившейся средней величины, так и нормативной, предписанной законодательством. Мужчины трудились в течение 44,5 часа, а женщины — 40,9 часа. Продолжительность работы у занятых по найму составляла соответственно 40,6—39,5 часа в неделю, что близко нормативным значениям. Однако наиболее многочисленный сегмент занятых в НС — занятые на индивидуальной

---

²⁹ Напомним, что нормативная продолжительность рабочей недели составляет 40 часов.

основе — трудились значительно более короткое время: их рабочая неделя составляла в среднем лишь 31,3—27,1 часа. Конечно, именно в этом сегменте были наиболее сильные внутригодовые сезонные колебания в силу его выраженного сельскохозяйственного характера. Большой удельный вес этого сегмента внутри НС (свыше 40% всех занятых), проживание в сельской местности и демографические особенности во многом определяют вариацию в продолжительности рабочего времени.

Выше мы отмечали значительную степень вовлеченности в неформальный сектор (прежде всего в части индивидуальной занятости) крайних возрастных групп и группы с образованием общим средним и ниже. Эта вовлеченность отличается невысокой продолжительностью рабочего времени. Например, лица в возрасте 15—19 лет работали 22—23 часа³⁰ в неделю, 60—72 года — 25—24 часа, обладатели лишь общего среднего образования — 31—26 часов. Это неудивительно, поскольку в этих группах велика доля пенсионеров с основной занятостью в НС, доход которых является дополнительным к пенсии. То же относится и к студентам, для которых такая работа будет дополнением к учебе.

Наоборот, представители основных возрастных (20—49 лет) групп, обладатели любого профессионального образования и жители городов имели продолжительность рабочей недели около 40 часов и незначительную межгрупповую вариацию по этому показателю. В целом тенденция очевидна: чем выше образование, тем продолжительнее рабочая неделя. Это согласуется с тем, что мы отмечали ранее: предприниматели отличаются от остальных занятых в НС заметно более высоким уровнем образования.

Все имеющиеся у нас данные подчеркивают сокращенную продолжительность работы в неформальном секторе у жителей села. Они в среднем были заняты 31,5—28,5 часа в неделю (по сравнению с 40,7—37,5 часа у горожан). Имеющие занятия сельскохозяйственного характера трудились 24,1—22,8 часа в неделю, что значительно короче, чем фактическая рабочая неделя у представителей любых других занятий или отраслей неформального сектора. Она, например, составляла 42,4—37 часов в строительстве, 42,4—40,5 часов в торгов-

---

³⁰ Здесь и далее, если приводятся два значения, то первое относится к мужчинам, а второе — к женщинам.

ле, 42,5—42,9 часа в гостиницах и ресторанах. Поскольку за этими средними скрывается заметная дифференциация по продолжительности рабочего времени, можно предположить, что сверхзанятость здесь соседствует со случайной и кратковременной занятостью и недозанятостью.

Основной вывод, который мы можем сделать о недельной продолжительности труда в неформальном секторе (когда это главная или единственная работа), заключается в следующем. Лица трудоспособного возраста с образованием средним и выше, не имеющие альтернативных занятий или альтернативных источников доходов (не студенты, не домохозяйки и не пенсионеры) и не занятые сельским хозяйством, работают полную рабочую неделю (40 часов) и больше. Наоборот, те, у кого есть альтернативное занятие (студенты и домохозяйки) или постоянные социальные источники дохода (пенсионеры по возрасту, по выслуге лет или по инвалидности), заняты здесь сокращенную рабочую неделю. Занятые в домашнем мелкотоварном сельском хозяйстве также работали короткую рабочую неделю, продолжительность которой, однако, сильно зависела от сезона.

Время и бремя подработки в неформальном секторе

Те, кто в 2001 г. имел два и более мест работы, дополнительной работе посвящали в среднем 16,5 часов в неделю. Различия в продолжительности рабочего времени между мужчинами и женщинами были при этом незначительны. Это относится в целом как к формальному, так и неформальному секторам. При этом продолжительность рабочего времени при дополнительной работе в неформальном секторе несколько больше, а гендерные различия — чуть резче (17 часов в неделю у мужчин и 17,5 у женщин).

Подробная картина дифференциации групп работников по фактической продолжительности рабочей недели в этом случае дана также в табл. П5. Выводы, которые мы можем сделать на основе этих данных, в целом согласуются с картиной, представленной выше. Согласно им доминирование околodomашнего сельскохозяйственного производства среди видов деятельности почти полностью определяет демографию и профессии тех работников, которые трудятся гораздо дольше среднего. Среди женщин две воз-

растные группы выделяются продолжительностью своей работы: это 15—19 лет и 50—59 лет. По-видимому, они несут основное бремя этой работы. Люди в пенсионном возрасте работают несколько меньше, что может определяться состоянием здоровья у пожилых людей. Данные также показывают достаточно ясную тенденцию: продолжительность второй работы в НС связана обратной зависимостью с уровнем образования. Не имеющие профессионального образования работают здесь более продолжительное время: вторая работа в неформальном секторе — это, прежде всего, удел лиц, не имеющих образования.

Заключение

В данной работе я постарался обратить внимание на некоторые качественные и, прежде всего, количественные характеристики занятости в неформальном секторе в переходной экономике России. Эта проблема остается крайне малоизученной специалистами, но популярной областью спекуляций неспециалистов.

Неформальный сектор является неотъемлемым атрибутом любой рыночной экономики. В развитых странах Запада его удельный вес невелик, в слаборазвитых экономиках Африки или Азии он значителен. Переходные экономики в целом занимают по доле занятых в неформальном секторе промежуточное положение. НС, как правило, крайне неоднороден по своему составу и выполняет различные функции, среди которых обеспечение простого выживания людей, с одной стороны, и развитие предпринимательства, с другой.

Статистические данные, даже при допущении занижения общего масштаба этого явления, свидетельствуют о том, что в России неформальному сектору (по своей основной работе) принадлежит каждый десятый занятый в экономике. Означает ли это, что таков дополнительный скрытый потенциал увеличения предложения труда в формальной экономике? Нет, не означает.

Более половины всех неформально занятых принадлежат начальным формам малого предпринимательства. Его эволюция в формальный и корпоративный бизнес — это длительный и непростой процесс, который не поддается простому манипулированию. Кроме того, на смену “формализующимся” бизнесменам приходит и будет приходиться новое “неформальное” пополнение. Общий уровень нало-

гов, административные барьеры при входе в бизнес и жесткость трудового законодательства — в числе факторов, определяющих как устойчивость, так и размер этой части неформального сектора.

Другая значительная часть неформальной занятости приходится на самозанятых, борющихся за собственное выживание. Среди них много пожилых, чья пенсия недостаточна для нормальной жизни, а нехитрые семейные активы в виде земельного участка открывают возможности дополнительного дохода. Для этой группы занятых (в силу их возраста и образования) альтернатива в виде формального сектора не существует. Лишь рост уровня жизни за счет формальных источников доходов мог бы повлиять на их вовлеченность в неформальный сектор. Это, по-видимому, также весьма отдаленная историческая перспектива.

Приведенный в статье анализ свидетельствует о том, что перспективы формализации того сегмента экономики, который рассматривается нами как неформальный сектор, как минимум, туманны. По-видимому, это просто невозможно, поскольку его субъекты вряд ли когда-нибудь согласятся на большую формализацию. Более того, попытки этого были бы просто опасны, поскольку могут как нанести ущерб миллионам людей, здесь занятых, так и подорвать спрос на многие виды продукции формального сектора.

К сожалению (или к счастью?) исследователей, неформальный сектор ставит много вопросов, на которые пока нет ответов. Необходимы специальные исследования, которые позволят сделать дальнейшие шаги в продвижении к тайнам неформальной экономики и позволят уточнить представления, бытующие ныне.

Приложение

Таблица П1. Занятость в неформальном секторе:
международные сопоставления

	Год	% от всех занятых		
		всего	мужчин	женщин
<i>Переходные экономики</i>				
Россия*	2001	9,3	9,6	9,0
Хорватия	1997	6,2	5,9	6,6
Польша	1995	12,8	14,3	11,0
Словакия	1996	19,2	25,0	10,9
Латвия	1996	17,2	...	...
Литва	1997	8,5	11,9	4,8
Казахстан	1995	11,9	...	...
	1996	17,3	...	...
Кыргызстан	1994	11,9	...	...
Украина	1997	4,9	4,5	5,3
<i>Некоторые другие страны</i>				
Турция	1993	15,0	...	...
Индия	1993	44,2	...	...
Аргентина	1998	42,9	47,7	35,6
Бразилия	1999	37,7	42,9	30,7

Источники: составлено по “Key Indicators on Labour Markets, 2000—2001” (Р. 229—245).

Хорватия, Польша, Литва, Украина — на основе обследований домохозяйств, только городское население; Словакия — официальные оценки, сельское хозяйство не включено; Латвия — официальные оценки, только городское население; Казахстан (1995) — выборочное обследование предприятий, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, строительство, торговля и транспорт, только городское население; Ка-

захстан (1996) — официальные оценки, только городское население, исключены добывающая промышленность, электроэнергетика, газовое и водное хозяйство, финансы и страхование, торговля недвижимостью и бизнес услуги; Кыргызстан — на основе обследований домохозяйств, только городское население, исключены электроэнергетика, газовое и водное хозяйство; Турция — на основе обследований домохозяйств, только городское население, исключено сельское хозяйство; Индия — оценки МОТ, городское население, транспорт, отели и рестораны, обрабатывающая промышленность, торговля, образовательные, медицинские, коммунальные и прочие услуги, добывающая промышленность; Аргентина и Бразилия — оценки МОТ, городское население.

* Расчеты автора по данным ОНПЗ, городское население.

Таблица П2. Структура занятости в неформальном секторе в 2001 г. (в среднем за год)

	Основная работа		Дополнительная работа	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Занятые ...				
а) на предприятии, в учреждении, организации;	88	1,2	33	1,6
б) в фермерском хозяйстве;	34	0,5	6	0,3
в) предпринимательской деятельностью без образования юридического лица;	1273	17,8	20	1,0
г) на индивидуальной основе	3005	42,1	1812	88,2
... в том числе занятые домашним производством для реализации;	Около 2000	28,0	1790	87,1
д) по найму у отдельных граждан	2736	38,3	184	9,0

	Основная работа		Дополнительная работа	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Итого занято в неформальном секторе	7136	100	2054	100
Всего занято в экономике	64413	—	2842	—
Доля неформального сектора в общей занятости	—	11,1	—	72,3

Примечание. Группы (в—д) полностью относятся к неформальному сектору. Занятые в (а—б) также относятся к НС в том случае, если они работают “без регистрации или оформления документов” “на собственном предприятии или в собственном деле для получения дохода” или “в качестве члена производственного кооператива (артели)”, а также если они работают без оплаты на предприятиях, принадлежащих родственникам. К НС также относятся занятые производством продукции или оказанием услуг в домашнем хозяйстве, если эта продукция или услуги реализуются на рынке.

Источник: данные Госкомстата России, расчеты автора.

Таблица П3. Регрессионные коэффициенты из уравнения влияния безработицы на динамику неформального сектора в 1999—2002 гг.

	Значения коэффициентов	T-значения
Константа	11,07	2,79*
$Unempl$	-8,34E-02	-0,30
T	-7,93E-02	-0,60
Q_1	0,13	0,39
Q_2	1,18	3,38*
Q_3	0,96	2,49
F	5,92	
$AdjRsq$	0,65	

* 5%.

Таблица П4. Основные характеристики занятых в неформальном секторе в 2001 г.

	Всего в неформальном секторе		Имеют основную или единственную работу		Имеют дополнительную работу	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Всего	9190	100	7136	100	2054	100
<i>Пол</i>						
Мужчины	4784	52,1	3679	51,6	1105	53,8
Женщины	4406	47,9	3457	48,4	950	46,2
<i>Возраст, лет</i>						
15—19	425	4,6	400	5,6	36	1,6
20—24	942	10,3	809	11,3	157	6,8
25—29	1115	12,1	930	13	223	9,7
30—34	1165	12,7	904	12,7	288	12,5
35—39	1435	15,6	1063	14,9	408	17,7
40—44	1390	15,1	960	13,5	470	20,4
45—49	1043	11,4	700	9,8	369	16
50—54	597	6,5	396	5,5	217	9,4
55—59	294	3,2	229	3,2	71	3,1
60—64	414	4,5	384	5,4	42	1,8
65—72	371	4,0	360	5,1	21	0,9
<i>Образование</i>						
Высшее профессиональное	1038	11,3	758	10,6	280	13,6
Неполное высшее	232	2,5	202	2,8	31	1,5
Среднее профессиональное	2510	27,3	1911	26,8	599	29,2
Начальное профессиональное	1093	11,9	835	11,7	258	12,5

Продолжение табл. П4

	Всего в неформаль- ном секторе		Имеют основную или единствен- ную работу		Имеют дополни- тельную работу	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Среднее полное	2708	29,5	2086	29,2	622	30,3
Основное общее	1279	13,9	1051	14,7	229	11,1
Начальное общее и ниже	329	3,6	293	4,1	36	1,8
<i>Статус</i>						
Студенты	243	2,6	238	3,3	5	0,3
Пенсионеры (по возрасту, выслуге и т.п.)	972	10,6	908	12,7	64	3,1
Пенсионеры (по инвалид- ности)	125	1,4	122	1,7	3	0,1
Лица, имеющие доход от собст- венности	117	1,3	116	1,6	2	0,1
Ведущие домаш- нее хозяйство	304	3,3	295	4,1	9	0,4
Другие	7429	80,8	5458	76,5	1971	96,0
<i>Тип поселения</i>						
Город	5151	56,0	4571	64,1	580	28,2
Село	4039	44,0	2565	35,9	1474	71,8
<i>Виды занятий (по ОКЗ)</i>						
1	191	2,7	189	2,6	2	0,1
2	207	2,9	175	2,4	32	1,6
3	364	5,1	329	4,6	36	1,7
4	51	0,7	48	0,7	3	0,1

Продолжение табл. П4

	Всего в неформаль- ном секторе		Имеют основную или единствен- ную работу		Имеют дополни- тельную работу	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
5	2443	34,2	2367	33,2	76	3,7
6	2852	40,0	1245	17,4	1607	78,2
7	1582	22,2	1446	20,3	136	6,6
8	637	8,9	584	8,2	53	2,6
9	785	11,0	708	9,9	77	3,7
<i>Виды деятель- ности (по ОКВЭД)</i>						
Сельское хозяйство	3832	41,7	2168	30,4	1664	81,0
Рыболовство	35	0,4	27	0,4	8	0,4
Промышленность	519	5,7	456	6,4	63	3,1
Электроэнерге- тика, газовое хозяйство и т.п.	6	0,1	5	0,1	1	0,0
Строительство	311	3,4	283	4,0	28	1,4
Торговля и ремонт	3198	34,8	3097	43,4	100	4,9
Гостиницы и рестораны	106	1,2	102	1,4	4	0,2
Транспорт, склад- ское хозяйство	383	4,2	345	4,8	39	1,9
Финансовое пос- редничество	4	0,0	4	0,1	...	...
Деятельность с недвижимостью	106	1,2	97	1,4	9	0,4
Госуправление, соцстрахование	21	0,2	21	0,3	1	0,0

	Всего в неформальном секторе		Имеют основную или единственную работу		Имеют дополнительную работу	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Образование	62	0,7	32	0,4	30	1,4
Здравоохранение	46	0,5	27	0,4	19	0,9
Персональные услуги	546	5,9	459	6,4	87	4,3
Услуги по ведению домашнего хозяйства	15	0,2	14	0,2	1	0,0
<i>Статус занятости</i>						
По найму	2920	31,8	2736	38,3	184	8,9
Не по найму	6270	68,2	4400	61,7	1871	91,1

Источник: данные ОНПЗ Госкомстата России, расчеты автора.

Таблица П5. Продолжительность рабочего времени занятых в неформальном секторе в 2001 г.

	Основная или единственная работа, часов в неделю		Дополнительная работа, часов в неделю	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Всего	37,5	34,1	17,0	17,5
<i>Возраст, лет</i>				
15—19	22,4	23,1	12,8	21,9
20—29	39,2	36,0	14,4	15,3

Продолжение табл. П5

	Основная или единственная работа, часов в неделю		Дополнительная работа, часов в неделю	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
30—39	40,5	37,2	17,2	17,7
40—49	40,0	37,9	18,2	17,9
50—59	37,1	32,5	17,4	18,0
60—72	24,9	23,9	16,3	15,1
<i>Образование</i>				
Высшее профессиональное	42,1	37,7	15,8	14,9
Неполное высшее	37,8	34,0	13,9	16,6
Среднее профессиональное	41,4	36,9	16,9	17,6
Начальное профессиональное	38,6	37,6	17,3	17,2
Среднее полное	36,9	34,2	17,4	18,3
Основное общее	30,9	26,4	17,5	19,6
Начальное общее и ниже	25,6	24,4	16,8	19,3
<i>Статус</i>				
Студенты	14,0	14,0	9,7	11,4
Пенсионеры (по возрасту, выслуге и т.п.)	25,3	24,9	16,3	15,2
Пенсионеры (по инвалидности)	22,5	20,6	12,6	10,6
Лица, имеющие доход от собст- венности	41,9	39,0	15,2	[?]*
Ведущие домаш- нее хозяйство	32,0	25,1	18,2	18,0
Другие	40,1	38,4	17,1	17,6

Продолжение табл. П5

	Основная или единственная работа, часов в неделю		Дополнительная работа, часов в неделю	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>Тип поселения</i>				
Город	40,7	37,5	14,5	13,3
Село	31,5	28,5	18,0	19,2
<i>Виды занятий (по ОКЗ)</i>				
1	48,1	42,7	17,2	20,5
2	42,9	36,0	16,9	15,4
3	44,2	37,4	16,7	17,4
4	40,9	38,5	15,8	16,0
5	42,4	40,3	16,7	17,6
6	24,1	22,8	19,5	20,1
7	36,2	26,7	15,9	16,0
8	41,9	44,3	17,1	16,6
9	37,7	34,8	17,2	18,2
<i>Виды деятельности</i>				
Сельское хозяйство	26,3	23,7	17,2	20,5
Рыболовство	24,4	24,0	10,0	9,1
Обрабатывающая промышленность	40,6	33,9	16,3	11,7
Электроэнерге- тика, газовое хозяйство и т.п.	42,9	26,4	9,1	4,1
Строительство	42,4	37,0	16,8	13,4
Торговля и ремонт	42,4	40,5	12,2	17,0
Гостиницы и рестораны	42,5	42,9	—	16,9

	Основная или единственная работа, часов в неделю		Дополнительная работа, часов в неделю	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Транспорт, склад- ское хозяйство	42,5	42,5	12,4	18,5
Финансовое посредничество	42,4	32,7	—	16,9
Деятельность с недвижимостью	40,5	33,8	10,6	12,1
Госуправление, соцстрахование	45,2	46,7	[?]*	18,8
Образование	29,5	25,7	14,6	10,1
Здравоохранение	38,4	26,7	10,4	7,6
Персональные услуги	41,3	33,0	12,4	11,0
Услуги по веде- нию домашнего хозяйства	43,7	33,0	[?]*	5,5
<i>Статус занятости</i>				
По найму	40,6	39,5	14,3	14,4
Не по найму	35,5	30,8	17,4	17,7
<i>Место работы</i>				
Предприниматели без образования юридического лица	44,5	40,9	16,3	13,3
По найму у граждан	40,6	39,5	13,9	14,2
На индивидуаль- ной основе	31,3	27,1	17,5	18,0

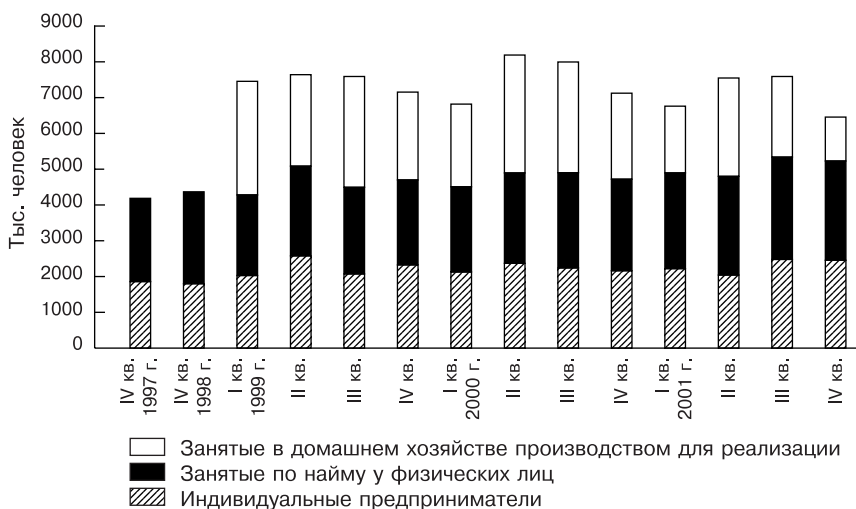
* Показатели незначимы из-за малого числа наблюдений.

Источник: данные ОНПЗ Госкомстата России, расчеты автора.

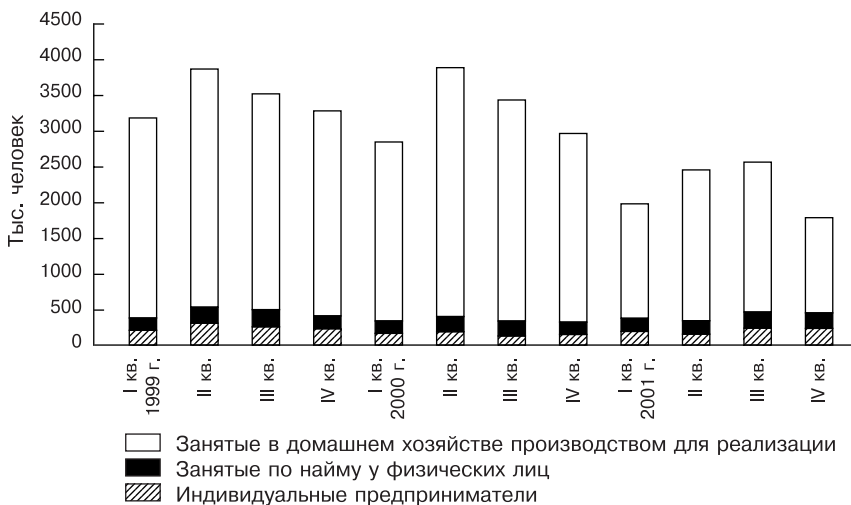

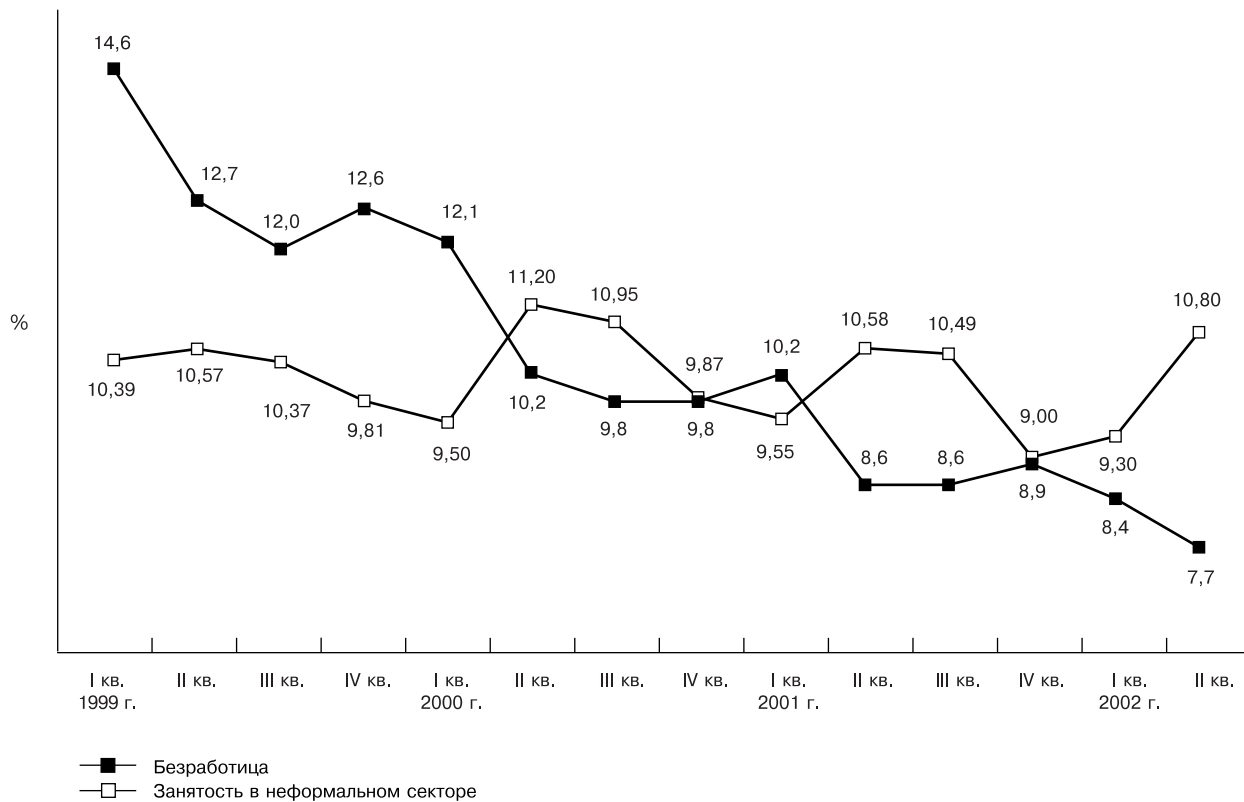
Рис. П1. Структура занятости в неформальном секторе на основной работе в 2001 г. (в среднем за год, в соответствии с принятым определением)

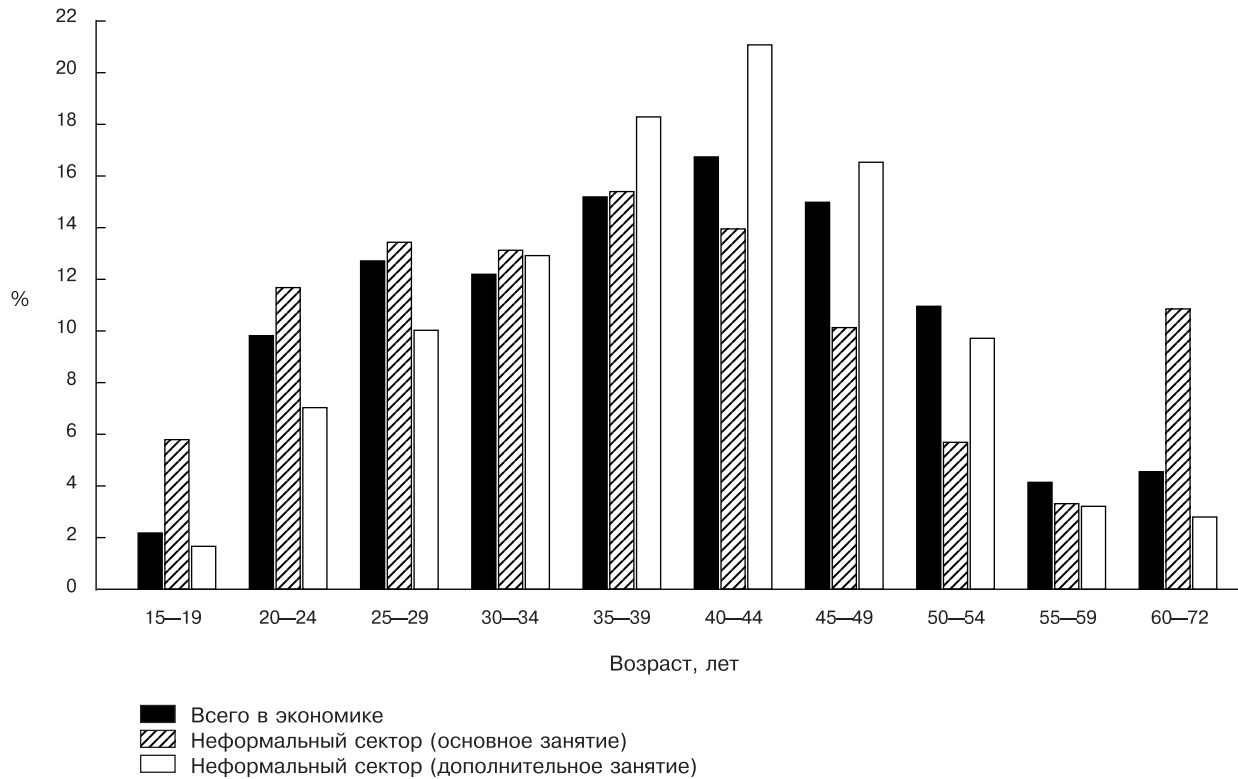
Рис. П2. Динамика и структура неформальной занятости (как основного занятия) в 1997—2001 гг.

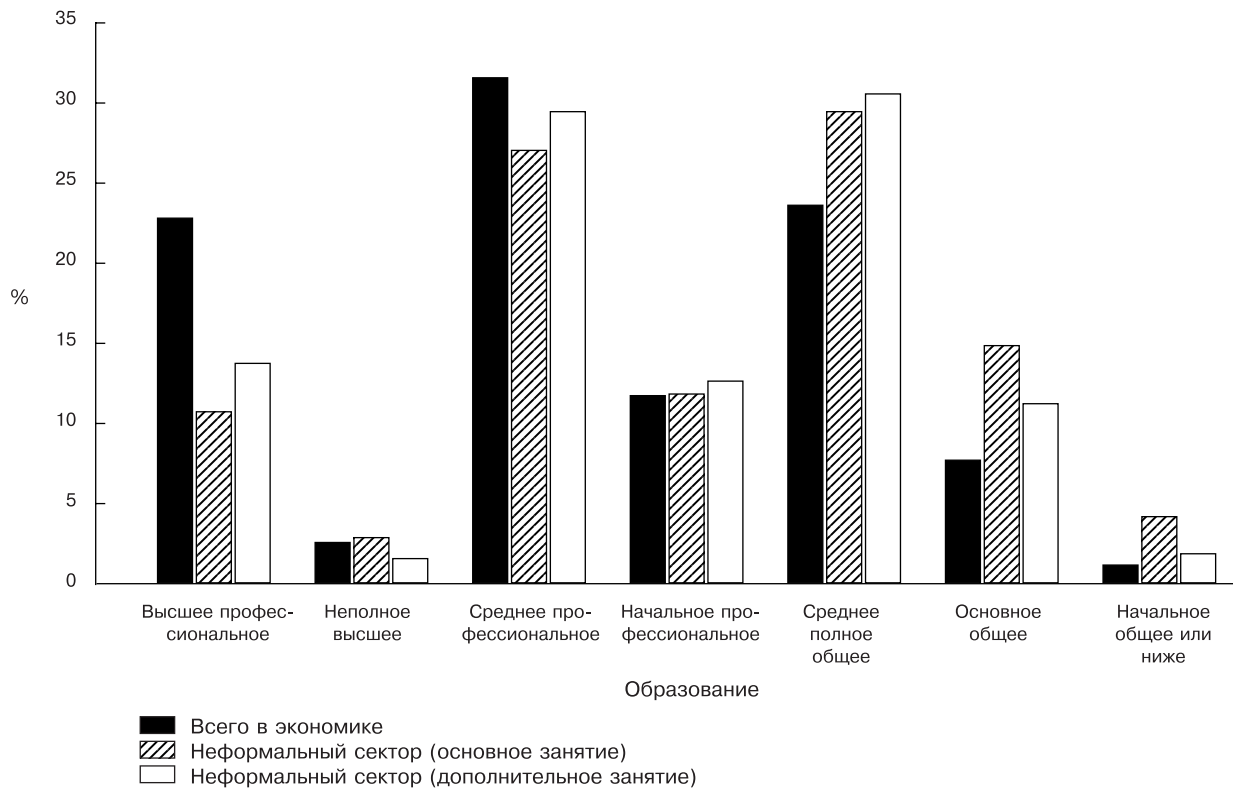
Рис. П3. Динамика и структура неформальной занятости (как дополнительного занятия) в 1999—2001 гг.

Рис. П4. Неформальная занятость и безработица в 1999—2002 гг., % от ЭАН

Рис. П5. Распределение занятых по возрасту, вся экономика и неформальный сектор в 2001 г.

Рис. Пб. Распределение занятых по образованию, вся экономика и неформальный сектор в 2001 г., %

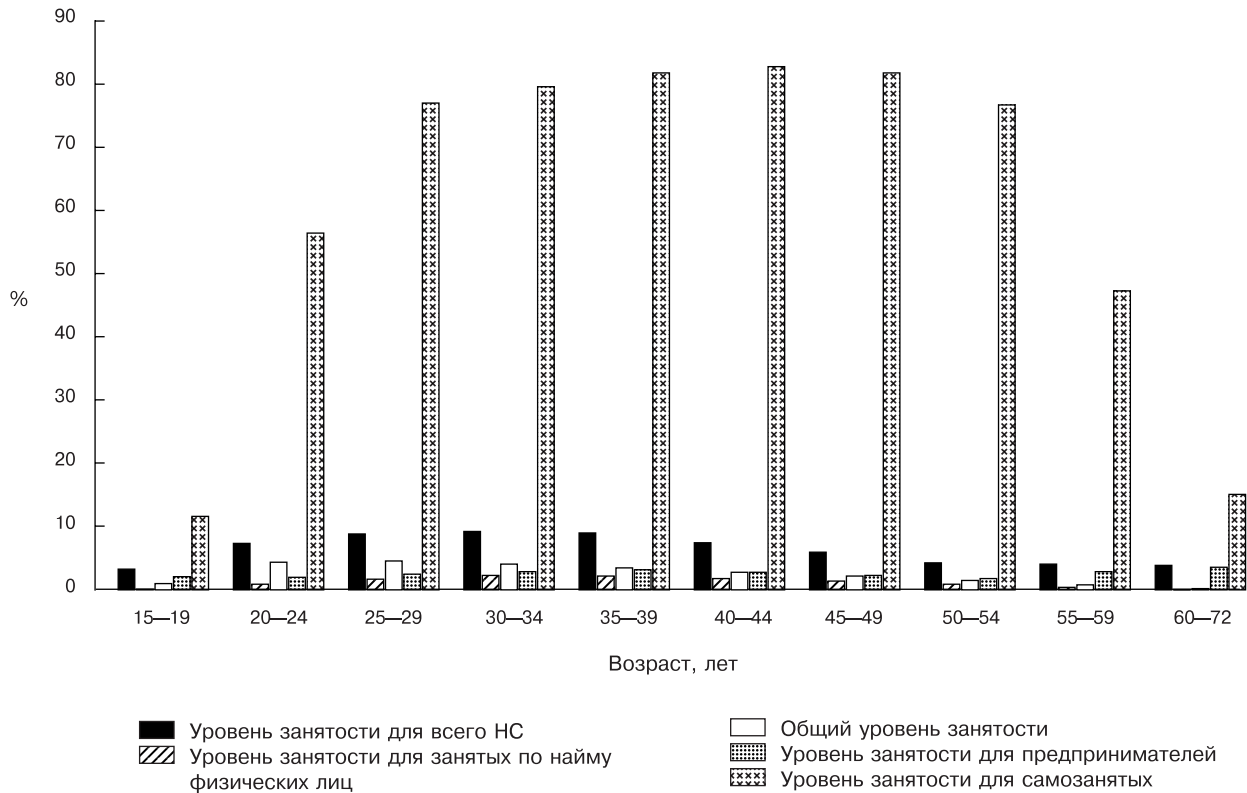
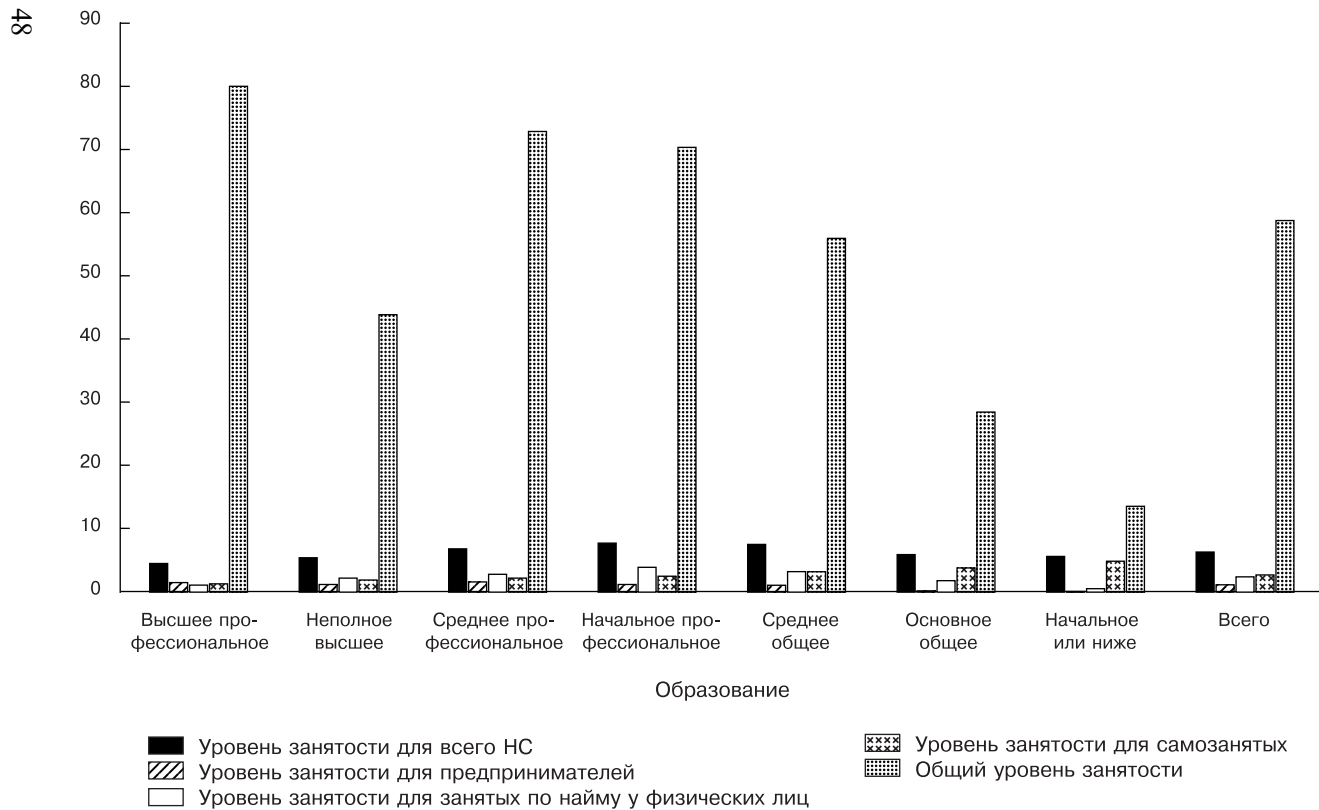
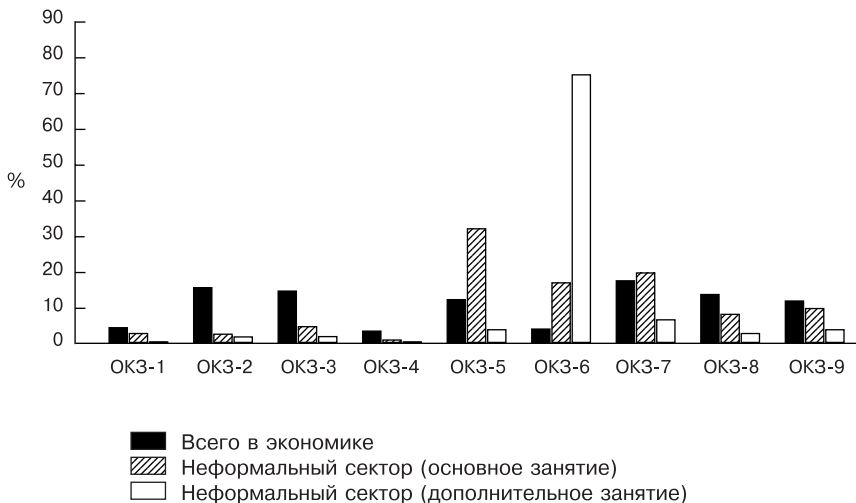

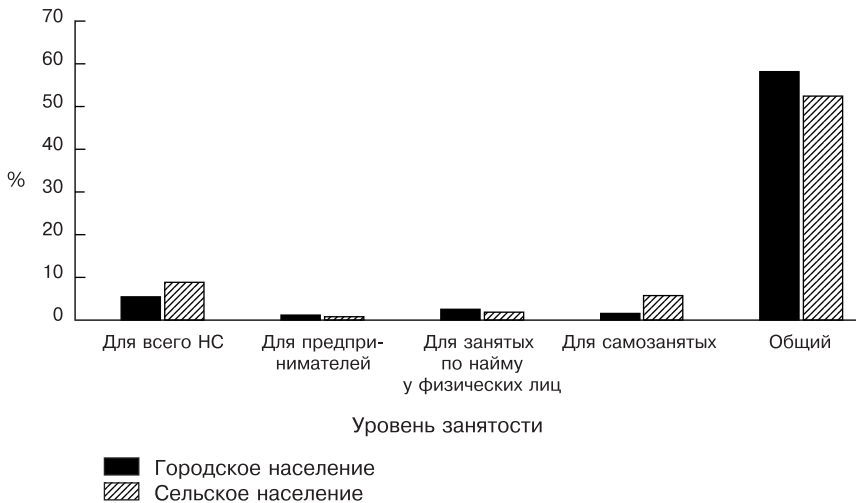
Рис. П7. Уровни занятости в неформальном секторе в зависимости от возраста, %

Рис. П8. Уровни занятости в неформальном секторе в зависимости от образования, %

Рис. П9. Распределение занятых по занятиям, вся экономика и неформальный сектор в 2001 г., %

Рис. П10. Уровни занятости в неформальном секторе для городского и сельского населения, %

Литература

Занятость и рынок труда. Новые реалии, национальные приоритеты, перспективы. М.: Наука, 1998.

Методологическое руководство для пользователей базы микро-данных обследований населения по проблемам занятости. М.: Госкомстат России, 2002.

О занятости в неформальном секторе экономики в Российской Федерации в 2001 году // Статистический бюллетень. 2002. № 2 (86). С. 115—132.

Система показателей базы микроданных обследований населения по проблемам занятости. М.: Госкомстат России, 2002.

Современные международные рекомендации по статистике труда. М.: Финстатинформ, 1994.

Blunch N.-H., Canagarajah S., Raju D. The Informal Sector Revisited: A Synthesis Across Space and Time. The World Bank // Social Protection Discussion Paper. 2001. No. 119.

Guarigla A., Byung-Yeon Kim. The Dynamics of Moonlighting: What is Happening in the Russian Informal Economy? / Bank of Finland // BOFIT Discussion Papers. 2001. No. 5.

Earle J., Sakova Z. Business Start-ups or Disguised Unemployment? Evidence on the Character of Self-Employment from Transition Economies // Labour Economics. 2000. No. 7. P. 574—601.

Earle J., Sakova Z. Entrepreneurship from Scratch: Lessons on the Entry Decision into Self-Employment from Transition Economies // IZA DP 1999. No. 79.

Key Indicators of the Labour Market, 2001—2002. Geneva: ILO, 2002.

Portes A., Sassen-Koob S. Maling it Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93. No. 1. P. 30—61.

Schneider F., Enste D. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences? // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. No. 1. P. 77—114.

Оглавление

Введение	3
Что мы понимаем под неформальным сектором и неформальной занятостью?	5
Плюсы и минусы неформального сектора	9
Эмпирические данные	11
Неформальная занятость в переходных экономиках	12
Сколько в России «неформалов»? Краткий обзор опубликованных оценок	14
Масштаб численности и структура неформальной занятости в России в 2001 г.	18
Динамика занятости в неформальном секторе	19
Области концентрации неформальной занятости: типы поселений, отрасли и профессии	25
Затраты времени в неформальном секторе	27
Заключение	30
Приложение	32
Литература	50

Препринт WP4/2002/03
Серия WP4
“Социология рынков”

Гимпельсон Владимир Ефимович

**Занятость в неформальном секторе в России:
угроза или благо?**

Публикуется в авторской редакции
Ответственный за выпуск *Е.А. Рязанцева*
Оформление серии *А.М. Павлов*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка и графика *Н.А. Веселова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 12.02.2003 г. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Таймс. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,24.
Усл. печ. л. 3,02. Заказ № 16. Изд. № 280

ГУ ВШЭ. 117312, Москва, ул. Вавилова, 7
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3

